

<https://doi.org/10.34680/visant-2020-91-97>

МИФОЛОГЕМЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. И. Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
nmartishina@yandex.ru

В статье рассматривается городская идентичность как форма индивидуальной и коллективной идентичности, в основе которой лежит восприятие горожанами своего города как специфической реальной социокультурной общности и собственного жизненного мира. В современных условиях естественное формирование городской идентичности, основанное на опыте проживания в городе, в значительной степени трансформируется процессами социального конструирования, осуществляемыми средствами различных видов познания, что даёт возможность говорить о научном, художественном и других компонентах городской идентичности. В работе специально рассмотрена роль мифологического компонента. Определяя мифологему как константу и элементарную логическую схему мифологического мышления, автор обосновывает закономерность присутствия мифологем в конструировании городской идентичности. В качестве функций мифологем, не до конца замещаемых при конструировании образа города другими формами мышления, названы персонафикация образа города, прецедентный детерминизм в объяснении его традиций и «магия имени». Роль мифологем в конструировании образа современного мегаполиса прослежена на примере Новосибирска.

Ключевые слова: городская идентичность, конструирование идентичности, современная мифология, мифологема, социальная эпистемология.

MYTHOLOGEMES IN THE CONSTRUCTION OF URBAN IDENTITY

Natalya Martishina

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia
nmartishina@yandex.ru

The article is devoted to the urban identity as a type of individual and collective identity based on the look of the citizens to their city as a specific real social community and their own life world. In modern conditions, the natural formation of urban identity, based on the experience of living in the city, is largely transformed by the processes of social construction carried out by means of various types of cognition, which makes it possible to talk about the scientific, artistic and other components of urban identity. The article specifically focuses on role of the mythological component in the social construction of identity. Defining a mythologeme as a constant and an elementary logical scheme of mythological thinking, the author substantiates the necessary presence of myths in the construction

of urban identity. The functions of mythologemes, which are not fully replaced by other forms of thinking, are the personification of the image of the city, precedential determinism in explaining of its traditions and “name magic”. The author traces the role of mythologemes in the image of the modern metropolis on the example of Novosibirsk.

Keywords: urban identity, identity construction, modern mythology, mythologeme, social epistemology.

Идентичность, выступающая сегодня в качестве универсальной категории социально-гуманитарного познания, в наиболее общем виде может быть определена как способ самоопределения индивидуального или коллективного субъекта через осознание своей принадлежности к определённым, отличающимся от других социальным общностям. По определению Э. Гидденса, идентичность – это «часто неосознаваемая уверенность в принадлежности какому-либо коллективу, общие чувства и представления, разделяемые членами коллектива и выражаемые как в практическом, так и в дискурсивном сознании» [Гидденс 1995, 95]. В рамках различных социально-гуманитарных дисциплин изучаются проявления и значение этнической, национальной, гендерной, профессиональной, политической, экономической и других форм идентичности. Формирование персональной идентичности – идентификация человеком себя с определёнными социальными группами – является одним из важнейших компонентов формирования личности, а выработка и поддержание групповой и коллективной идентичности – осознание социальной общностью себя как носителя определённого набора социальных качеств и самостоятельного субъекта социального действия – значимым механизмом консолидации и самосохранения социальных общностей. Потребность в идентичности связана с одной из самых фундаментальных человеческих потребностей, которую Э. Фромм назвал «потребностью в Мы»: чувство принадлежности к активной и консолидированной группе обеспечивает для человека определённый уровень стабильности и социальной защищённости, даёт ему ценностные ориентиры, основания и цели деятельности, параметры оценки окружающего мира и себя самого. Коллективная идентичность, с одной стороны, складывается из идентификаций её носителей с социальной общностью (а точнее, с определённым образом социальной общности), а с другой стороны, выступает основой для дальнейших процессов формирования персональной идентичности.

Ключевыми идеями для осмысления идентичности с позиций социальной эпистемологии представляются, во-первых, конструктивистская парадигма её изучения. Согласно этой парадигме, идентичность в современных условиях не столько возникает естественным путем в результате объективной принадлежности человека к определённым социальным группам, сколько формируется как целенаправленными, так и неосознаваемыми интеллектуальными воздействиями в коммуникационных потоках, а значит, является вариативной. При этом нельзя недооценивать влияние распространённых в современном обществе попыток использования идентич-

ности в качестве инструмента манипулятивного воздействия и механизма власти. Во-вторых, это утверждающаяся сейчас в эпистемологии расширенная трактовка знания, согласно которой знанием должен признаваться не только подтверждённый практикой и удостоверяемый логикой истинный результат познавательной деятельности. Как пишет И. Т. Касавин, если ориентироваться «не на демаркацию, но на наиболее полный учёт всего, что является знанием», то «не только истинное научное знание, но и заблуждения, фантазии, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения окажутся формами знания. Ибо эти феномены формируют определённую картину мира, в котором живет человек» [Касавин 2017, 11]. С точки зрения данной трактовки, следует рассматривать гносеологические образы объектов, складывающиеся в культуре, как синтетические, образованные соединением и наложением мифологизаций и художественных репрезентаций, научного исследования и философского осмысления, обыденного и предметно-практического опыта, причём каждый из способов познания обнаруживает свои аспекты объектов, не до конца доступные раскрытию в иных дискурсах, и соответственно выполняет свои функции в конструировании образов объектов.

Городская идентичность рассматривается с этих позиций как форма индивидуальной и коллективной идентичности, в основе которой лежат осознание горожанами существования города как самостоятельной социокультурной общности, имеющей неповторимую историю и традиции, и их чувство принадлежности к этому городу не только в территориальном, но и в социокультурном плане, восприятие города не просто как места своего проживания, а как собственного жизненного мира, а также осознание себя как единицы этой социокультурной общности, ориентирующейся на его эталоны и принимающей его уклад жизни в качестве собственного. Городская идентичность конструируется как «сверху» – она рассматривается властными структурами как ресурс территориального развития, так и «снизу» – самим горожанами, выстраивающими для себя образ города и принимающими его в той или иной степени. В результате конструирование городской идентичности представляет собой сложный процесс, в котором переплетаются стихийные процессы в обыденном сознании и целенаправленное внедрение идеологических установок, индивидуальный опыт и групповые психологические эффекты, рациональное и иррациональное. Наряду с собственным опытом проживания в данном городе, его освоения, памяти о связанных с ним личных событиях, в формировании образа города играет значительную роль научный компонент – исторический и краеведческий материал, с которым знакомы с детства его уроженцы и который стихийно осваивают приезжие, и художественный компонент – воплощение города в литературных произведениях, в живописи, в кинематографе и т. д. Вопрос о взаимодополнительности научного и художественного компонента в конструировании образа территории рассматривался, например, в [Головнева, Мартишина 2018]. В данной работе мы постараемся показать параметры присутствия в формировании образа города мифологического компонента, обосновав закономерность присутствия мифологем в конструировании городской идентичности и выявив условия усиления их значимости.

Мифологема определяется в социальном конструктивизме как константа мифологического мышления, минимальная единица мифологического дискурса, сохраняющая качество мифа [Шульга 2013, 91]. При этом понятие мифа используется в концептуальном смысле: миф трактуется не как форма ложного сознания вообще, а как вид познания, использующий специфические логические приёмы сохранения и преобразования информации. Соответственно мифологема аккумулирует в себе определенный мифологический приём или способ мышления. В самом общем виде возобновляющееся присутствие мифологем в образах социокультурных объектов в массовом сознании обусловлено той функциональностью любого вида познания (в том числе мифологического познания), о которой выше шла речь: некоторые из специфичных для мифа логических приёмов решают определённые задачи в конструировании образа эффективнее, чем рационалистические формы мышления. Наиболее значимыми в конструировании городской идентичности представляются следующие особенности мифологического мышления.

Базовой характеристикой мифологического мышления является антропоморфизм: мифологическое описание событий основано на персонификации стоящих за ними сущностей и наделении их человеческими чертами. Таким образом, мифология придаёт образу объекта, даже реально не обладающего личностными чертами, некоторую человекообразность, создавая тем самым возможность для более личностного отношения к нему. Данная особенность построения образа востребована в тех случаях, когда реальный объект воспринимается недостаточно персонифицированно и, соответственно, недостаточно эмоционально, то есть существует потребность в дополнительных источниках эмоционально-ценностного отношения. В контексте конструирования городской идентичности таким отношением является транслируемая во властно-политическом и идеологическом дискурсе и принимаемая массовым сознанием в качестве желательной собственной установки привязанность к своему городу, восприятие его как «дома», в котором ты находишься «у себя». Чисто рациональное обоснование ценностной выделенности некоего пространства по самому факту проживания в нём (возможно, более или менее временного), по-видимому, невозможно, и мифологемы оказываются наиболее адекватным инструментом для формирования эмоционально-ценностного ракурса восприятия города.

По характеру построения объяснений мифологическое мышление основано на прецедентном детерминизме. Существующий порядок вещей, как правило, связывается в мифологии каждый раз с каким-то отдельным ярким событием, случившимся в прошлом и приведшим к определённому установлению; при этом подразумевается, что событие могло произойти и по-другому, и тогда другим было бы и установление. Мифологическая трактовка обусловленности событий отчасти противопоставляется, таким образом, рационалистической идее объективной закономерности и замечает её в тех ситуациях, когда закономерность не может быть установлена или объяснение с её позиций оказывается недостаточным. Мифологемы в конструировании городской идентичности заполняют лакуны в городской

истории, обеспечивая тем самым определённую полноту и устойчивость города как жизненного мира и поддерживая идею непрерывности и необходимости его существования.

Одной из особенностей мифологического мышления является также имманентная мифу своеобразная «магия имени». В рамках мифа имя объекта трактуется не только как ключ к пониманию объекта, но и как концентрированное выражение его сущности, дающее также способ управления им; например, для мифа характерно убеждение в возможности изменить судьбу объекта, дав ему новое имя. Связанные с именами мифологемы также способствуют личностному освоению городского пространства, создавая смысловые ассоциации посредством именованности городских объектов (и социальных практик, связанных с именованностью), но, кроме того, особо востребованы в транзитивные периоды жизни социума, поскольку в отсутствие альтернативных возможностей начинают рассматриваться как эффективные средства трансформации социальных реалий.

Значимость мифологем в формировании «экзистенциальной парадигмы города» [Горнова 2011, 47] особенно отчётливо обнаруживается в ситуации относительной недостаточности объективных оснований конструирования городской идентичности. В качестве таких оснований обычно выступают либо многовековая городская история и сформированные в ней культурные традиции, либо яркие отличительные особенности территории природного и климатического характера (самый северный город, город-порт и т. п.). Если таких выраженных особенностей нет – например, речь идёт о городе с короткой историей и небольшим количеством архитектурных и иных культурных достопримечательностей, – то принятие его населением в качестве своего жизненного мира поддерживается усилением внерациональной, в том числе мифологической составляющей его образа. Эта закономерность отчётливо проявляется в конструировании идентичности Новосибирска – города, история которого отсчитывается с 1893 г. Своим возникновением Новосибирск обязан техническому выбору удобного места для моста через Обь при строительстве Транссибирской магистрали; в миллионный город он превратился менее чем за 70 лет. Соответственно при конструировании его жителями городской идентичности возникает проблема нехватки глубины исторического сознания, возможности связать образ города с историческими событиями, памятниками, овеянными веками, выдающимися людьми, жизнь и творчество которых были бы связаны с историей города, и т. д. В результате можно отметить (как в массовом сознании, так и в официальной риторике) активизацию описанных выше логических схем мифологического дискурса.

Модификацией мифологического антропоморфизма является, на наш взгляд, традиция, в соответствии с которой два ключевых момента истории Новосибирска – основание города и основание в его составе Академгородка, первого наукограда советской эпохи, – персонифицируются в двух знаковых личностях, которые интерпретируются как демиурги, практически единолично принимающие ключевые решения: это Н. Г. Гарин-Михайловский, руководивший изысканиями при строительстве Западно-Сибирской железной дороги, и академик М. А. Лаврентьев, стоявший у истоков

Академгородка. Кроме того, обращает на себя внимание акцентуированная практика персонификации образа города в фигурах известных людей, жизнь которых хотя бы на короткое время стала частью его истории. Одним из самых известных местных уроженцев является маршал авиации А. И. Покрышкин; рефреном торжественных мероприятий, посвященных его юбилею, была его презентация как «парня из нашего города». Самой же экстравагантной из связанных с выдающимися личностями городских легенд, по-видимому, является поверие, что в Новосибирске был зачат В. С. Высоцкий.

Своеобразной формой актуализации мифологического прецедентного детерминизма является конструирование посредством мифологем знаковых мест в городе с последующим приписыванием им «реальной» истории. Некоторые из таких сюжетов основываются на действительно исторических моментах, значимость которых в процессах конструирования повышается, – например, в Новосибирске есть памятник на том месте, где когда-то был установлен первый в городе светофор. Но и обычные произведения городской скульптуры в городском фольклоре нередко интерпретируются как памятники, связанные с реальными событиями, и обрастают соответствующими сюжетами. Кроме того, большое количество легенд связано с действительно известными архитектурными достопримечательностями Новосибирска, прежде всего со зданием оперного театра, что также повышает их значение в качестве мест, структурирующих смысловое пространство города.

Одним из факторов формирования городской идентичности стала и выбранная городскими властями практика именования улиц, в соответствии с которой при сохранении, в основном, названий советского периода на домах устанавливаются дополнительные таблички с прежними названиями улиц (например: ул. Депутатская, бывшая Бийская). Поддержка этого выбора горожанами показала, что такой способ именования воспринимается как средство создания «глубины истории», которой недостаёт Новосибирску. Итак, и здесь мы обнаруживаем логику, восходящую к изначальному мифологическому принципу установления сущности объекта посредством его именования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гидденс 1995 – Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Пер. с англ. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Москва, 1995. С. 95–113.
- Головнева, Мартишина 2018 – Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: Конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218.
- Горнова 2011 – Горнова Г. В. НОМО URBANUS: антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск, 2011.
- Касавин 2017 – Касавин И. Т. Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.
- Шульга 2013 – Шульга Н. В. Мифотворчество в средствах массовой информации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 3. С. 91–95.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/13063.htm> (дата обращения: 01.08.2019).

REFERENCES

- Giddens 1995 – Giddens A. Modern and Self-Identity. Transl. into Russian by E. V. Yakimova. *Modern Theoretical Sociology: Anthony Giddens*. Moscow, 1995. P. 95–113.
- Golovneva, Martishina 2018 – Golovneva E. V., Martishina N. I. “Owning the East”: The Image of the Region as Constructed in the Works of Vladimir K. Arseniev. *Siberian Historical Research*. 2018, 1. P. 200–218. In Russian.
- Gornova 2011 – Gornova G. V. HOMO URBANUS: Antinomies and Conflicts of Urban Life in the Types of Citizens. Omsk, 2011. In Russian.
- Kasavin 2017 – Kasavin I. T. Norms in Cognition and Cognition of Norms. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017, 4. P. 8–19. In Russian.
- Shulga 2013 – Shulga N. V. Myth-Making in the Media. *Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”*. 2013, 3. P. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13063.htm>. In Russian.

Наталья Ивановна Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия.

Доктор философских наук, профессор,
Заведующий кафедрой «Философия и культурология».
E-mail: nmartishina@yandex.ru

Natalya I. Martishina

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies.
E-mail: nmartishina@yandex.ru